«Берегись! Зашибем!»: К вопросу о социально-политических причинах сталинской коллективизации

К.М. Александров

Кирилл Михайлович Александров, кандидат исторических наук, доцент Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва). 105062 Москва, ул. Покровка, 29. E-mail: history@sfi.ru

В статье по результатам комплексного анализа негативных последствий социалистических преобразований в деревне для советского общества и народного хозяйства на основе широкого круга источников и литературы рассматривается актуальный вопрос о причинах коллективизации в СССР. Достижения историографии, полученные при изучении этой сложной проблемы, открывают возможности для широкой дискуссии с учетом разных аспектов, подходов и концепций в зависимости от оценок исследователями приоритетов И.В. Сталина и других руководителей ВКП(б) на рубеже 1920-х — 1930-х годов: от необходимого и форсированного создания промышленно-индустриальной базы за счет ужесточения эксплуатации сельского населения до установления личной диктатуры Генерального секретаря ЦК ВКП(б) и ликвидации экономической самостоятельности крестьянства.

Автор предлагает искать ответ на концептуальный вопрос о смысле и целесообразности коллективизации не столько в экономических, сколько в социальных реалиях конца 1920-х годов в связи с особенностями однопартийного государства, резким ухудшением политической обстановки в СССР в ходе хлебозаготовительных кризисов, спровоцированных искусственными ограничениями частной инициативы в предшествующий период. Главными выгодоприобретателями колхозного строя, навязанного деревне путем беспрецедентного насилия, стали десятки тысяч номенклатурных работников ВКП(б), стремившихся в первую очередь сохранить свою власть, привилегированное положение и государственную собственность, находившуюся в их владении, путем введения «второго крепостного права» и создания всесоюзной системы принудительного труда, чем по существу закончилась Русская революция 1917 года.

Ключевые слова: коллективизация, колхозы, крестьянское сопротивление, И.В. Сталин, В.М. Молотов, номенклатура, XVII съезд ВКП(б), хлебозаготовительные кризисы

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-70-96

XVII съезд ВКП(б), состоявшийся зимой 1934 года, стал важным событием, завершившим семнадцатилетнюю эпоху глубоких кризисов и острых потрясений, связанных с радикальным изменением не только традиционных институтов и ценностей, моделей общественного, экономического и государственного устройства,

но и частной жизни. Руководители ВКП(б) фактически подвели итоги Русской революции, в начале которой историческую роль сыграл стихийный солдатский бунт, вспыхнувший 27 февраля 1917 года в «запасных» батальонах петроградского гарнизона, укомплектованных в первую очередь мобилизованными крестьянами (Френкин, 1978: 42–43). «Колхозный строй в деревне окончательно победил и шаг за шагом добивает остатки кулачества», — заявил при открытии съезда 26 января 1934 года член Политбюро ЦК ВКП(б) и председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов (XVII съезд, 1934: 5). В структуре населения доля горожан на 1 января 1933 года составляла лишь 23%, спустя шесть лет — 28% (Прокопович, 1952: 68; Жиромская, 1994: 32, 39), поэтому колхозная система определила условия труда, быта и жизненные перспективы для абсолютного большинства советских людей.

Докладчики, выступавшие после Молотова, обращали внимание делегатов на увеличение посевных площадей и валовой продукции зерновых по сравнению с 1913 и 1929 годами, отмечали численность и мощность тракторного парка, рассказывали о росте урожайности и производительности, хвалили усиление рабочей дисциплины и прочие достижения социалистических преобразований сельского хозяйства (XVII съезд, 1934: 19, 21, 44, 66, 86–87, 137). Однако номенклатурное самолюбование и хвастовство, сопровождавшиеся безудержными славословиями в адрес Генерального секретаря ЦК И.В. Сталина, не могли скрыть подлинных последствий коллективизации.

В 1930–1933 годах крестьяне пережили демографическую катастрофу: не менее 0,6 млн раскулаченных и членов их семей погибли во время депортаций и в «кулацкой ссылке» (расчет по: Данилов, 2004: 8, 15; Земсков, 1994: 150–151; Ивницкий, 2004: 277); около семи миллионов — от голода 1932–1933 годов (Андреев, Дарский, Харькова, 1993: 48; Постановление ГД ФС РФ, 2008: 3[1]); более 100 тыс. — на этапах, в тюрьмах, колониях и лагерях (ГУЛАГ, 2002: 441); десятки тысяч сельских «контрреволюционеров» уничтожили органы ОГПУ (История сталинского ГУЛАГА, 2004: 609); тысячи хлеборобов большевики убили при подавлении антиколхозных восстаний и выступлений («Совершенно секретно», 2008 б: 1363). В 1929–1934 годах общее количество крестьянских дворов в СССР сократилось с 25,4 млн до 22 млн (Прокопович, 1952: 204). Суммарно прямые жертвы сталинской политики в 1930–1933 годах превысили 7,5 млн человек.

В экономике коллективизация нанесла тяжелый удар по отечественному животноводству, о чем в отчетном докладе о работе ЦК Сталин сообщил в разделе «Подъем сельского хозяйства» (XVII съезд, 1934: 20).

1. Постановление ГД ФС РФ от 02. 04. 2008 № 262-5 ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР”» // http://duma.consultant.ru/page.aspx?955838

Поголовье (в млн голов)	1929	1933	Сокращение (в млн голов)	Сокращение (в процентах, округленно)	1940 (на территории в границах на 1 сентября 1939) (Прокопович, 1952: 140)
Лошади	34	16,6	–17,4	51%	17,6
Крупный рогатый скот	68,1	38,6	–29,5	43%	47,5
Овцы и козы	147,2	50,6	–96,6	65%	85,5
Свиньи	20,9	12,2	–8,7	42%	22,3

Накануне Первой мировой войны 1914 года средние цены на живой скот в черноземной и нечерноземной полосах России выглядели так (за голову): лошадь стоила 75–77 рублей, корова дойная — 55–57 рублей, овца — 5–6 рублей, свинья (до откорма) — 17–18 рублей (Россия 1913, 1995: 319). Соответственно, в 1929–1933 годах финансовые потери животноводства (без учета потерь птицеводства за отсутствием должной статистики) превысили 3,4 млрд в царских золотых рублях ($1,7 млрд). В 1912 году 14,1% крестьянских хозяйств Российской империи имели трех и более лошадей, 22,1% — двух, 32,1% — одну, 31,5% считались безлошадными (Климин, 2002: 270). В 1938 году в СССР в среднем на колхозный двор приходилось: коров — 1,65 головы, свиней — 0,81, овец и коз — 2,51, лошадей — 0,04 (Мерцалов, 1948: 47). За исключением свиноводства, важнейшая отрасль так и не восстановилась вплоть до Второй мировой войны.

Массовая гибель лошадей и быков неизбежно создала трудности с обработкой колхозных латифундий, так как привела к падению общей *тягловой силы*. В 1913 году ее совокупная мощность оценивалась в 26,8 млн лошадиных сил, а 25 лет спустя — лишь в 22,3 млн (Мерцалов, 1948: 103). Количество лошадиных сил на гектар пашни снизилось с 317 в 1928 году до 180 в 1934-м. Шесть лет спустя после восстановления этот показатель достиг статистической отметки только в 296 лошадиных сил (Хантер, 1985: 252). Сплошная коллективизация и сокращение тягловой силы потребовали миллиардных инвестиций в сельское хозяйство, в том числе в производство сотен тысяч тракторов, комбайнов, грузовиков (Кованьковский, 1956: 120), за счет перераспределения бюджетных средств в ущерб прио-

ритетной индустрии. Резко возросли непроизводительные затраты и простои, расходы на подготовку обслуживающего персонала, ГСМ, комплектующие, средний и капитальный ремонт. Вместе с тем ускоренная механизация еще не гарантировала *качества* обработки земли, повышения доходности и рентабельности сталинских колхозов (Прокопович, 1952: 248–250). Об этом в той или иной форме говорили и отдельные делегаты (XVII съезд, 1934: 93–94, 108, 116, 137–138, 157–158).

Эмигрант «второй» волны И.Ф. Скворцов, происходивший из крестьян-середняков, с детства трудившийся на земле и работавший в 1937–1941 годах агрономом-экономистом в разных районах Орловской области, так описывал проблемы, связанные с использованием техники машинно-тракторных станций:

«Трактор прекрасная и полезная машина, и тракторная вспашка может дать лучшую, с агротехнической точки зрения, проработку почвы, но на самом деле этого не было. В погоне за рекордными выработками трактористы перевыполняли нормы выработки, но качество работы было плохим. Вместо того чтобы пахать на глубину 15–16 сантиметров под зерновые культуры, на самом деле пахали на глубину 8–10 сантиметров, и ненормально увеличивали ширину захвата плуга, образуя огрехи — непропашки.

Серп, коса и жатка в значительной степени были вытеснены большими комбайнами, применяющимися нерационально. Большевикам гигантомания, сверхиндустриализация, механизация сверх меры совершенно вскружили голову. Так было и с комбайнизацией. На уборку комбайнами составлялись определенные планы. Но комбайновая уборка, по опыту прежних лет, научила колхозников уму-разуму. Они знали, сколько теряют урожая, а потому стремились избежать комбайн[а] и убрать другими способами. Это категорически запрещалось. <...>

Комбайн выйдет на работу в поле в 6 часов утра, заедет, пройдет 30–40 метров и стоп — молотильный аппарат не работает — отсыревшая, во[л]глая солома навертывается на барабан, и комбайн останавливается. Много времени затрачивается, чтобы освободить барабан от навившейся и уплотнившейся соломы. Убрали с хедера накопившийся хлеб, тронулись и снова повторяется то же. Стоит комбайн — до 8 часов утра. Пробуют снова на сокращенный хедер, прошли 100–200 метров и опять стопор. Стоят до 9 часов, опять пробуют — комбайн проходит 200–300 метров, и опять повторяется прежнее. И лишь с 10 часов, с наименьшими тормозами, комбайн начинает работать, но с остановками для очисток. Сделано мало и очень мало, а люди измучились и кроют “матом” свою незадачу. И с 11-ти часов начинается нормальная работа комбайна и [продолжается] до 7-ми часов вечера» (Скворцов, 1955: 61–63).

Вопреки теории и надеждам, ускоренная механизация не дала кардинального роста урожайности в СССР. Если в 1929 году с гектара собрали 7,47 центнера зерновых, то в 1931, с учетом неиз-

бежных советских приписок, — 6,66; в 1933 — 6,59; в 1935 — 7,42; в 1937 — 9,17; в 1939 — 7,47 (Хантер, 1985: 252). Хуже выглядели показатели на *душу* населения. Если в 1913/14 годах сбор хлебов составил 4,9 центнера, то в 1928/29 — 4,0; в 1930/31 — 4,4; в 1932/33 — 3,4; в 1934/35 — 3,8; в 1936/37 — 3,2; в 1938/39 — 3,7 (Прокопович, 1952: 210).

Коллективизация резко ухудшила социально-политическую ситуацию и криминогенную обстановку. В СССР в 1927 году (на 148,5 млн населения) насчитывалось до 200 тыс. заключенных (Джекобсон, Смирнов, 1998: 17), а в 1934-м (на 156,7 млн населения) — уже более миллиона (в лагерях, тюрьмах, колониях, изоляторах, на этапах, но без спецпоселенцев и ссыльных) (ГУЛАГ, 2002: 410; Смирнов, Сигачев, Шкапов, 1998: 37). Насильственное создание колхозов, массовые аресты, расстрелы, раскулачивания и высылки встретили на селе ожесточенный отпор. Пик сопротивления пришелся на 1930 год — в СССР состоялись 13 453 массовых крестьянских выступления (в том числе 176 повстанческих), 55 вооруженных восстаний. В совокупности в них участвовали почти 2,5 млн человек — как минимум в три раза больше, чем в Белом движении во время Гражданской войны. Максимальное количество выступлений произошло на Украине (4098), в Поволжье (1780), на Северном Кавказе (1467), в Центрально-Черноземной (1373) и Московской (676) областях, в Сибири (565). Чекисты зарегистрировали за год 13 794 низовых теракта и 5156 случаев распространения «контрреволюционных листовок». От учтенных терактов и покушений пострадали более 10 тыс. советских активистов (Трагедия советской деревни, 2000: 788–791, 801, 808; Дьяков, Колодникова, Бушуева, 2012: 208–210, 219–220).

90 лет назад боевые действия против повстанцев с привлечением сводных дивизионов из состава войск ОГПУ и регулярных частей Красной Армии велись в Острогожском (30 января — 1 февраля) и Борисоглебском (февраль) округах Центрально-Черноземной области (ЦЧО), Сальском округе Северо-Кавказского края (СКК) (10–12 февраля), Муромцевском районе Барабинского округа Сибири (23 февраля — 5 марта), Мухоршибирском районе Читинского округа (3–5 марта), Енотаевском районе Нижне-Волжского края (НВК) (14–22 марта), в районах Баталпашинска и Карачаева СКК (15–30 марта), Бобровском и Лосевском районах ЦЧО (22–29 марта), под Кисловодском (22 марта — 2 апреля) и в других регионах Советского Союза (Александров, 2010: 119–121). В отдельных случаях (село Липовка Лосевского района Россошанского округа ЦЧО, село Владимировка Енотаевского района НВК и др.) повстанцы пытались дать бой в открытом поле или защищали свои села при помощи окопов («Совершенно секретно», 2008 б: 1376; Михеев, 2008: 182). В приграничных округах УССР (Бердичевском, Тульчинском, Шепетовском) советская власть отсутствовала на протяжении нескольких дней (Кен, 2002: 110). В 1931 году чеки-

сты учли по СССР 2102 массовых и 32 вооруженных выступления, 9098 терактов. От них пострадали более 9 тыс. советских активистов (Дьяков, Колодникова, Бушуева, 2012: 238–240).

В феврале 1933 года в речи на I съезде колхозников-ударников, собравшихся в разгар голодомора, сопряженного с людоедством, Сталин подчеркивал, что в годы первой пятилетки не менее двадцати миллионов бедняков большевики «спасли от нищеты и разорения», «от кулацкой кабалы и превратили [их], благодаря колхозам, в обеспеченных людей» (Сталин, 1947: 417). Как полагали руководители ВКП(б), к концу 1930-х годов в социалистической деревне, «благодаря укреплению колхозного строя, исчезла бедность», а «колхозы стали зажиточными» (История ВКП(б), 1945: 325). Однако органы НКВД сообщали о голодной смертности в колхозах в 1937 году (Осокина, 2008: 257, 262–264), о критических высказываниях колхозников летом 1939 года: «Работаем день и ночь за одни палочки» (Рылов, 2018: 228). Крестьянские письма и воспоминания свидетельствуют об изнурительном труде, который почти не оплачивался, непосильных налогах, нищете и беспросветном быте, не оставлявших надежд на человеческую жизнь (Зензинов, 1944: 184–191, 196–198, 207–210, 221–222; 60 лет, 1991: 115, 119, 123, 136, 144, 149–150, 153–154, 156–159).

Последствия «великого перелома» крайне негативно повлияли на моральное состояние военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). В 1932–1933 годах Особые отделы ОГПУ зафиксировали в войсках сотни тысяч отрицательных высказываний со стороны бойцов и командиров, а также учли несколько тысяч устных угроз, содержавших повстанческие намерения (Сувениров, 1998: 49–50). «Крестьяне открыто заявляют недовольство властью, — утверждал писарь штаба 50-го артиллерийского полка (Московский военный округ) Булкин, исключенный из партии и арестованный особистами за «антисоветскую агитацию» в августе 1932 года. — Если будет война — мужики повернут винтовки на коммунистов»[2]. «Житуха никуда <...> Люди в колхозах голодают и говорят: “Е... вашу мать, все равно нам придется с вами воевать»[3], — рассуждал в разговоре с сослуживцами боец кавалерийского эскадрона 28-й стрелковой дивизии (Северо-Кавказский военный округ, СКВО) Н.И. Прокопов, арестованный чекистами за «антисоветскую агитацию» 17 февраля 1933 года. «Крестьянство принимало участие в Революции 1917 года потому, что оно боролось за землю, а теперь, если вспыхнет война, крестьянство воевать не будет за советскую власть, потому что земля находится в собственности государства и крестьянство ею не распоряжа-

2. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37837. Оп. 21. Д. 10. Сводка № 28 о ЧП в РККА на 14 сентября 1932. Л. 311.
3. РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 92. Перечень антисоветских проявлений. Л. 72(об).

ется»[4], — рассказывал в узком кругу летом 1937 года П.С. Билык, младший командир 287-го стрелкового Тульчинского полка 96-й стрелковой Винницкой дивизии им. тов. Фабрициуса 17-го стрелкового корпуса (Киевский военный округ). О тяжелых последствиях для режима и отечества при всеобщей мобилизации колхозников в случае большой войны писал в середине 1930-х годов эсер и теоретик кооперации С.С. Маслов, работавший в Праге (Маслов, 2007: 281).

Крестьянские потери, принудительный труд и другие особенности колхозной системы автор считает одной из важнейших причин, предопределивших невероятный успех германского наступления летом–осенью 1941 года. За первые пять месяцев операций на огромном фронте войска Вермахта, в разы уступавшие в людских ресурсах и технике Красной Армии, дошли от западной границы до Ленинграда, Москвы и Ростова-на-Дону. На главных направлениях противник продвинулся вглубь территории СССР на расстояние от семисот до тысячи километров. «Основная масса красноармейцев — колхозники, враждебно настроенные в отношении советского режима, так как у них была отобрана частная собственность, — констатировали сотрудники Абвера из штаба XVII армейского корпуса 6-й армии группы армий «Юг» после опросов многочисленных пленных на протяжении первого месяца войны, — У большинства красноармейцев отцы сосланы, убиты, либо живут в тяжелейшей нужде» (Доклад о настроениях в войсках противника. 24 июля 1941, см.: Солонин, 2013: 535). В приказе № 001919 от 2 сентября 1941 года Ставки Верховного главнокомандования о создании заградотрядов Сталин признавал: «В наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов»[5]. К 31 декабря 1941 года советские боевые потери составили почти 6 млн человек (противника — округленно 850 тыс.), в том числе пропавшими без вести 3,9 млн, или 65% (противника — 57 245, или менее 7%, в том числе пленными более 9 тыс.) (Мельтюхов, 2002: 419; Сидоров, 2000: 29). Абсолютное большинство пропавших без вести бойцов и командиров, включая перебежчиков, попали в немецкий плен — как минимум 3,35 млн (Dallin, 1957: 427) — или остались на оккупированных территориях дезертирами, чья судьба затем складывалась по-разному. В значительной степени объективным следствием коллективизации, голода 1932–1933 годов и колхозного быта стало массовое сотрудничество советских людей с оккупантами и их союзниками, когда на стороне противника несли военную службу не менее миллиона граждан СССР (Dallin, 1957: 555, 658; Семиряга, 2000; 88–92, 104, 460, 463–464, 471).

4. РГВА. Ф. 25880. Оп. 5. Д. 25. Сводка № 034 о ЧП в частях, поднадзорных Военной прокуратуре КВО (по состоянию на 9 августа 1937). Л. 115.
5. Hoover Institution Archives, Stanford University (HIA). Volkogonov Dmitry Papers. Container 7. Reel 5. Приказ № 001919 от 2 сентября 1941 СВГК. Л. 1.

Жестокая коллективизация, по словам Сталина, потребовала «много времени и больших издержек» (XVII съезд, 1934: 18). Но мучительная гибель 7,5 млн человек, разрушение животноводства, миллиардные финансовые потери, очередное обострение социальной вражды и прочие *«издержки»* так и не привели к созданию эффективного хозяйства на земле, не повысили урожайности, крестьянского благосостояния и накопления. Впрочем, Молотов и не видел в улучшении качества народной жизни перспективной цели Коммунистической партии (Сто сорок бесед, 1991: 383). По оценкам профессора Х. Хантера, попытавшегося построить альтернативную модель развития сельского хозяйства СССР на основе показателей второй половины 1920-х годов, при отказе от коллективизации поголовье лошадей за период 1928–1939 годов увеличилось бы почти на 40%, объем посевных площадей — почти на 20%, средняя урожайность могла достигнуть 9,6–10,2 центнера с гектара, а население возрастало как минимум до 185,6 млн человек (Хантер, 1985: 250–251, 254). В реальности на 17 января 1939 года в СССР проживали не более 167,7 млн человек (Жиромская, 1994: 32).

Колхозный строй не укрепил Красной Армии и не обеспечил продовольственной безопасности СССР в чрезвычайных условиях военного времени. Несмотря на все затраты, жертвы и тяготы, большевикам так и не удалось создать автаркическое сельскохозяйственное производство, независимое от импорта, как того требовал член Политбюро и наркомвоенмор К.Е. Ворошилов на XV съезде ВКП(б) в 1927 году (Симонов, 1996: 64). В 1941–1945 годах в глубоком тылу голод и другие бедствия унесли миллионы жизней (Андреев, Дарский, Харькова, 1993: 77; Исупов, 1994: 104–106, 112–113). Чтобы поддерживать силы советских военнослужащих и квалифицированных рабочих, потребовалась безвозмездная помощь американских, британских и канадских союзников, доставивших в СССР почти 5 млн нетто-тонн продовольствия. По калорийности им можно было кормить десятимиллионную армию в течение четырех с половиной лет (Супрун, 1996: 53). Не меньшую ценность для проведения посевных кампаний имело спасительное пополнение ленд-лизовскими семенами скудных колхозных фондов (Гурина, 2015: 58).

Таким образом, неизбежно возникает концептуальный вопрос о смысле и целях сталинского курса, разорившего деревню и положившего начало превращению самостоятельных крестьян-производителей в потомственных батраков. Десятилетия спустя Молотов убежденно считал «успех коллективизации значительнее победы в Великой Отечественной войне», «если б мы ее не провели, войну бы не выиграли». Колхозная система, по мнению ближайшего сталинского соратника, позволила создать «могучее социалистическое государство со своей экономикой, промышленностью» (Сто сорок бесед, 1991: 383). С учетом человеческих потерь и других отрицательных результатов подобные объяснения неубедительны, хотя

точка зрения Молотова разделялась некоторыми исследователями (Симонов, 1996: 72, 324).

Дискуссионный вопрос о причинах коллективизации рассматривался многократно, в том числе в исследованиях П. Грегори (Грегори, 2008: 53, 57–58), В.П. Данилова (Кедров, 2019: 9–10, 16, 25, 31), Н.А. Ивницкого (Ивницкий, 1996: 10–11), В.С. Мерцалова (Мерцалов, 1948: 13–14), Е.А. Осокиной (Осокина, 2008: 103), С.Н. Прокоповича (Прокопович, 1952: 182–183, 185), Ш. Фицпатрик (Фицпатрик, 2008: 11), О.В. Хлевнюка (Хлевнюк, 2010: 32–33) и других специалистов. Развернутый анализ проблемы коллективизации в отечественной постсоветской историографии дал Н.Г. Кедров (Кедров, 2018: 91–99).

В исторической литературе достаточно часто указывалось на приоритетное стремление руководителей ВКП(б) при помощи колхозов снять зерновую проблему, обострившуюся в 1928–1929 годах, разрешить хлебный вопрос в интересах индустриализации, добыв для нее средства за счет крестьянской платежеспособности, максимально ускорить рост сельскохозяйственного производства, увеличить его товарность, зерновой экспорт и размеры хлебозаготовок (Ивницкий, 1996: 10–11; Кованьковский, 1956: 19, 21–22; Козлов, 2011: 5; Осокина, 2008: 103; Прокопович, 1952: 185; Фицпатрик, 2008: 11). Другие ученые связывали очередной натиск на хлеборобов с приверженностью большевиков определенным идеологическим схемам (Колодежный, 2002: 382–383, 392–394), избранием привычных военно-коммунистических методов для директивного управления народным хозяйством (Хлевнюк, 2010: 33) и эффективной эксплуатации сельских производителей (Маслов, 2007), а также с внутрипартийными конфликтами и неустанной борьбой Сталина за установление личной диктатуры (Кедров, 2019: 30–31; Конквест, 1988: 156–157).

В рамках концепции о планомерной подготовке СССР с 1928 года к большой войне, должной создать объективные предпосылки для нового этапа анархии и социалистической революции в Европе, колхозы подавались как форма «крупных производственных единиц, легче поддающихся плановому воздействию, чем многомиллионная масса мелких, распыленных крестьянских хозяйств» (Симонов, 1996: 59, 67). Руководители ВКП(б) не просто нуждались в валюте для индустрии (Козлов, 2011: 6), но преимущественно для инвестиций в военно-промышленный комплекс. В 1929–1934 годах члены Политбюро рассчитывали создать современную военно-техническую базу и достигнуть превосходства над объединенными силами мифического «западного блока» по авиации, артиллерии и бронетехнике (Кен, 2002: 62–63). В итоге к зиме 1934 года на вооружении войск РККА находились 4847 танков, 2897 танкеток, 50 самоходных артиллерийских установок (САУ) и 325 бронеавтомобилей, в том числе 266 с пушечным вооружением (Мельтюхов, 2002: 516). Красная Армия получила значительный перевес над

суммарными силами западных соседей, не планировавших нападать на СССР (Кен, 2002: 264). Но к 1938 году многие серийные образцы бронетехники выпуска 1929–1935 годов, создававшиеся в ходе и за счет жестокого насилия партии над крестьянством, практически выработали свой ресурс, и их состояние выглядело плачевно (Симонов, 1996: 100).

Беспримерная по срокам, темпам и масштабам гонка вооружений вполне соответствовала стратегическим целям Коммунистической партии, изложенным в декларативной части Конституции СССР 1924 года, материалах Коминтерна и Штаба РККА (Кен, 2002: 264–265). Действительно, еще в 1924 году Сталин рассматривал большевистскую революцию «не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах» (Валентинов, 1991: 71), в 1928 году он напомнил слушателям, что «мировая революция может питаться только советским хлебом» (Авторханов, 1959: 12). Однако в 1929–1933 годах непосредственная угроза большой европейской войны отсутствовала — с точки зрения Сталина, дело еще лишь шло к ней, мировой революционный кризис назревал, но пока не наступил, а Советский Союз тем временем нуждался в сближении и выгодном сосуществовании с капиталистическими государствами для накопления необходимых ресурсов (XVII съезд, 1934: 8, 10, 12–14). Взаимозависимость между внешнеполитическими планами руководителей ВКП(б), начатой ими гонкой вооружений, коллективизацией и созданием грандиозной системы принудительного труда несомненна. Но в этом контексте сталинский курс, помимо прочего зависевший и от обострения международных противоречий, мог дать ожидаемый эффект не на рубеже 1920-х — 1930-х годов, а лишь в среднесрочной перспективе, примерно через десять лет, как полагал и сам Генеральный секретарь (Сталин, 1947: 329). Только летом 1939 года сложились благоприятные условия, когда во время обострившегося противостояния между Германией и ее потенциальными противниками Сталин мог использовать все преимущества третьей стороны и придирчиво выбирать, как будут действовать на Западе — или останутся нейтральными — огромные силы Красной Армии, насчитывавшие 147 дивизий, почти 56 тыс. артиллерийских стволов, более 11 тыс. самолетов, а также более 23 тыс. танков, танкеток, САУ и бронеавтомобилей (Мельтюхов, 2002: 66, 525).

Наконец, некоторые исследователи (В.С. Мерцалов, М.С. Френкин, В.П. Дмитренко и др.) видели в насаждении колхозов и массовом раскулачивании в первую очередь комплекс неотложных мер по защите власти ВКП(б), зашатавшейся во время короткого НЭПа. Вслед за ликвидацией дворянства, духовенства, купечества, почетных граждан и всероссийским *расказачиванием* неизбежно пришла пора всесоюзного *раскрестьянивания* — главный смысл коллективизации заключался в уничтожении крестьянства как самостоятельного класса, экономически независимого от Ком-

мунистической партии, постоянно питавшего силы оппозиции и антибольшевистского сопротивления (Билимович, 2007: 418; Френкин, 1987: 221–222). С кризисом НЭПа возникла острая необходимость «добить остатки капитализма и устранить всякую угрозу [буржуазной] реставрации» (Мерцалов, 1948: 14), иначе партия рисковала потерять контроль над экономикой и общественной жизнью (Кедров, 2019: 24). В развитие высказанных тезисов мы считаем необходимым обсуждать причины коллективизации в тесной связи с особенностями социального устройства СССР и обострением внутриполитического положения во второй половине 1920-х годов.

Советская государственная модель, укрепившаяся в 1918–1922 годах в результате поражения Белых и крестьянско-повстанческих армий, по существу, была однопартийной диктатурой. «Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем», — заявлял председатель Совнаркома РСФСР В.И. Ленин в 1919 году, представляя Коммунистическую партию в качестве «авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата» (Ленин, 1970: 134), в то время как его доля в российском населении не превышала 13%. В то же время Советы и их съезды, избиравшиеся трудящимися на условиях неравного классового голосования, так как один голос рабочего (пролетария) приравнивался к пяти голосам крестьян (Первая советская конституция, 1938: 431–432) — мелких буржуа, — превратились в фикцию. Они играли роль лишь конституционной ширмы, скрывавшей подлинную вертикаль власти в РСФСР. На ее вершине находились Центральный комитет (ЦК) из девятнадцати человек, избираемых на очередном партийном съезде, и более узкие коллегиальные органы — Организационное и Политическое бюро, включавшие наиболее авторитетных членов ЦК. «Самая настоящая “олигархия”, — не без откровенности признавал Ленин в 1920 году. — Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии» (Ленин, 1981: 30–31). Весь жесткий механизм так называемого «пролетарского» управления выполнял коллективные решения небольшой узурпаторской группы, вышедшей из дисциплинированной организации профессиональных революционеров-заговорщиков. Большая часть из них, судя по результатам персональных выборов в ЦК на X съезде в 1921 году, не имела ни рабочего происхождения, ни фабрично-заводского ценза.

В соответствии с идейно-теоретическим наследием Ленина и резолюцией XII съезда, состоявшегося в 1923 году, «диктатура рабочего класса» не могла «быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, то есть Компартии» (Коммунистическая партия..., 1984 а: 53). При этом органам ВЧК-ГПУ, как отмечал Ф.Э. Дзержинский, принадлежала роль главного карательного инструмента ЦК (Плеханов, 2006: 94). Тем самым чекисты госбезопасности защищали неприкосновенность олигархической

группы партийной бюрократии, в чьих руках концентрировались власть и национализированная собственность, сосредотачивались учет и распределение ресурсов, функции политического контроля, пропаганды и репрессивных мероприятий. На том же XII съезде Сталин обосновал принципиальную доктрину о *руководящей роли аппарата* в жизни партии и Советского Союза. «Необходимо подобрать [нужных] работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь» (Двенадцатый съезд, 1968: 63), — доложил делегатам Сталин в отчете от имени ЦК.

Осенью 1923 года члены Оргбюро ЦК впервые определили перечень ключевых назначений, требовавших одобрения или согласования партийных инстанций. 3500 советских должностей занимались только после утверждения ЦК выдвинутых кандидатур, а 1500 — с его предварительным уведомлением. На местах свою низовую номенклатуру формировали ЦК республиканских Компартий, губкомы (обкомы) и укомы (райкомы). В 1924 году в учетно-распределительном отделе ЦК, где обобщались сведения о кадрах, состояли на регистрации почти 15 тыс. работников аппарата, постепенно охватывавшего все стороны государственной, экономической, общественной и культурной жизни СССР (Измозик и др., 2010: 374–375). Заветный партбилет открывал дорогу к материальным благам, а главным условием успешной карьеры становилась готовность принять цековские директивы «как родные» и добиться их полного выполнения. Во второй половине 1920-х годов численность большевистской партии, включая кандидатов, резко увеличилась: почти с 736 тыс. человек (на 1 января 1924) до 3,9 млн (на 1 мая 1930), несмотря на постоянные чистки и исключения (Тринадцатый съезд, 1963: 529; XVI съезд, 1930: 598). Одновременно рос и корпус освобожденных партработников.

Совершенствовалась и приобретала все большие размеры система номенклатурных привилегий, возникшая в 1918–1919 годах: от прикрепления ответственного товарища к особому снабжению, выдачи спецпайков и доступа к дефицитным товарам до предоставления ему комфортного жилья, персонального транспорта, квалифицированной медицинской помощи, условий первоклассного отдыха и права ношения огнестрельного оружия. Привычка к достатку и комфорту приходила быстро. От закулисных аппаратных решений зависели должностные и служебные перемещения, условия работы, быта и жизненные перспективы. Один из основателей КПФ и видных деятелей Коминтерна Б.К. Суварин вспоминал: «Когда приходилось голосовать за “платформы”, то голосовали не за “перманентную революцию” или “социализм в одной стране”, а за квартиру и должность в Москве либо Ленинграде» (Борис Суварин, 1980: 439). Позднее к привилегиям прибавились возможности свободного перемещения по стране и санкционированного вы-

езда за границу. В итоге — в зависимости от приближения человека к властной вертикали или отдаления от нее — в СССР закреплялась почти феодальная стратификация населения по отношению к благам и довольствию. «Коммунистическая революция, которая проводилась во имя уничтожения классов, привела к неограниченной власти одного, нового класса. Все остальное — маскировка и иллюзия» (Джилас, 1961: 51), — констатировал один из бывших руководителей КПЮ, разочаровавшийся в социалистическом эксперименте и ставший гонимым диссидентом.

Важнейшая корпоративная задача номенклатуры заключалась в том, чтобы сохранить свое привилегированное положение и власть, которую партия сумела удержать в годы Гражданской войны при помощи массового террора. Возможная победа контрреволюции и смена режима в СССР — при любом сценарии — означали личный крах для десятков тысяч партработников, начиная от уровня секретарей первичных организаций, и, кроме того, создавали реальную угрозу для их жизни. «Вас всех растерзают!» (Сто сорок бесед, 1991: 210) — предупреждал своих соратников Ленин по свидетельству Молотова.

В разгар НЭПа Сталин не высказывал антикрестьянских взглядов. Напротив, в рамках «бухаринской» доктрины «правого коммунизма» он в духе времени призывал «сомкнуться с основной массой крестьянства, поднять ее материальный и культурный уровень», выступал против «разжигания классовой борьбы» в деревне, одобрял поощрение кредитной, сельскохозяйственной, потребительской, промысловой кооперации, благодаря чему накапливались необходимые средства для постепенной индустриализации (Валентинов, 1991: 90, 102–104). Возвышение и успехи Генерального секретаря в борьбе с оппонентами объясняются не только его административно-аппаратными способностями, но и криминальными талантами. «Сталин собрал настоящую банду, лишенную каких бы то ни было принципов и решившую ценой любых человеческих жертв сохранить власть, — рассказывал Суварин. — Со всеми ее привилегиями и преимуществами» (Борис Суварин, 1980: 441–442). На сталинский синтез политического руководства с искусством уголовных методов управления обращали внимание и другие современники (Авторханов, 1983б: 760). НЭП мог существовать, но лишь до тех пор, пока не грозил интересам номенклатуры и ее благополучию, а ситуация в СССР не выглядела безмятежной. 3 января 1925 года на заседании Политбюро Сталин прямо сказал соратникам: «Мы до полной ликвидации гражданской войны далеко не дошли, и не скоро, должно быть, дойдем» (Плеханов, 2006: 91). И у него существовали веские основания для подобных заявлений.

В 1925–1926 годах доля сельского населения СССР превышала 80% (более 120 млн из 148,5 млн человек) (Андреев, Дарский, Харькова, 1993: 56). Производительный труд и рост благосостояния во время НЭПа сделали советскую деревню самостоятельной,

стимулировали местное предпринимательство, накопление и развитие сельской кооперации (Валентинов, 1991: 128–129, 138–139; Прокопович, 1952: 174). Однако материально независимые крестьяне, от чьих усилий зависело снабжение городов и ситуативная стабильность, не говоря уже о нэпманах, в краткосрочной перспективе представляли опасность для большевистской партии (Колодежный, 2002: 392; Прокопович, 1952: 174; Скворцов, 1955: 61–63; Сто сорок бесед, 1991: 381). По мнению одного из коммунистов, в середине 1920-х годов оживился «кулак, у которого революция обрезала крылья», еще более «свирепый враг», чем «буржуй» (Фицпатрик, 2008: 40). Доминировавшая середняцкая, а отчасти и бедняцкая группы деревни находились под сильным влиянием зажиточных домохозяев, к которым коммунисты прилепили «кулацкий» ярлык (5–6 млн человек), хотя подобное клеймение преимущественно носило искусственный характер (Ивницкий, 1996: 62; Шанин, 2019: 295–298; Френкин, 1987: 226).

Крепкие хлеборобы, обеспечивавшие продовольственную безопасность страны, кормившие город, армию и партию, вполне естественно желали представительства на политическом уровне и могли составить конкуренцию большевикам. Тем более партячейки на селе влачили жалкое существование и авторитетом не пользовались, так как процент коммунистов в сельском населении был ничтожным (Шанин, 2019: 317–321). В 1925 году — самом благополучном в истории пореволюционной деревни, по мнению Н.В. Вольского-Валентинова, занимавшего в тот момент должность заместителя редактора «Торгово-промышленной газеты» ВСНХ (Валентинов, 1991: 139), — в Самарской и Тамбовской губерниях, Северо-Кавказском и Сибирском краях развернулась серьезная борьба на выборах в сельские Советы. Крестьяне требовали уравнять их в избирательных правах с рабочими, разрешить свободную агитацию, отменить монополию внешней торговли, снять ограничения кооперативной деятельности, реабилитировать политзаключенных и «лишенцев». В избирательную кампанию вмешались органы ОГПУ. Как следствие новых конфликтов, на селе резко возросло количество низовых терактов: с 313 в 1924 году до 902 в 1925 году и 1123 в 1928-м (Баранов, 1997: 190–192; Плеханов, 2006: 79–81; Френкин, 1987: 227).

Повышение уровня жизни в нэповской деревне по сравнению с периодом «военного коммунизма» неизбежно привело к росту потребления и покупательского спроса. В то же время большевики, чтобы не потерять власть, принципиально сохраняли в своих руках «командные высоты» в народном хозяйстве. Тем самым развитие и влияние «капиталистических элементов» жестко ограничивалось партией и допускалось лишь до определенного уровня — с планами их неизбежного уничтожения в ближайшем будущем (История ВКП(б), 1945: 245–247). Но в результате охранительной политики по искусственному сдерживанию частной инициативы на протя-

жении нескольких лет, зимой 1926/27 года на полусвободном рынке СССР неизбежно возник дефицит промтоваров. Широкий крестьянский спрос превышал бедное государственное предложение («Совершенно секретно», 2002: 49; Коммунистическая партия..., 1984б: 140). Поэтому цены на дефицитные промтовары начали быстро расти, а вслед за ними — в качественной естественной реакции — и отпускные цены на продовольствие.

Полная либерализация советской экономики с целью товарного насыщения рынка исключалась: такой сценарий означал быстрый конец режима с мрачными последствиями для его актива. В качестве выхода члены ЦК ВКП(б) решили ликвидировать частную торговлю и вернуться к внеэкономическому принуждению, чтобы путем административного нажима заставить сельских производителей продавать хлеб государству не по рыночным (2–6 рублей за пуд), а по убыточно-директивным ценам (0,8–1,2 рубля). «Им, конечно, [было] не выгодно» (Сто сорок бесед, 1991: 376), — соглашался Молотов, комментируя применение чрезвычайных мер. Так после нескольких лет нэповского «перемирия» партия начала новый поход против хлеборобов (Скворцов, 1955: 37).

Крестьяне, пытавшиеся защитить плоды своего тяжелого физического труда, ответили сопротивлением. Если в 1926–1927 годах чекисты зафиксировали 1612 терактов, то в 1928–1929 — 10 120. Количество массовых протестных выступлений по стране выросло с 63 в 1926–1927 годах до 2016 в 1928–1929 (Трагедия советской деревни, 2000: 788; Плеханов, 2006: 79–81, 391). Например, зимой 1928 года в волостном селе Воскресенском Рыбинского уезда Ярославской губернии среди жителей звучали призывы «выкинуть трехцветный флаг и поднять восстание», в Донском округе СКК в подполье формировались вооруженные казачьи группы («Совершенно секретно», 2002: 47, 55). Только в декабре 1929 года чекисты зафиксировали в сельской местности более восьмидесяти массовых выступлений, в первую очередь в ЦЧО и Средне-Волжском крае. Почти половина из них связывалась с крестьянскими протестами против гонений на Православную Российскую Церковь и подавления религиозной жизни, а треть — с принудительными хлебозаготовками («Совершенно секретно», 2004: 583–585). Широко распространялись антибольшевистские листовки: в 1928 году — 845 учтенных случаев, в 1929-м — 2391 (Трагедия советской деревни, 2000: 788). Соответственно, ужесточалась карательная политика: в 1925 году в СССР за «контрреволюционные преступления» были осуждены 1042 человека, в 1926-м — 17 804 человек, в 1927-м — 26 036 человек, в 1929-м — 33 757 человек (Измозик, 1995: 121; Плеханов, 2006: 145).

В результате организованного натиска на деревню при помощи сталинских методов хлеб успешно «подкачался» (История ВКП(б), 1945: 279; Сто сорок бесед, 1991: 377). Но опыт 1927–1928 годов наглядно показал многим представителям высшей номенклатуры ВКП(б), насколько уязвима их власть в крестьянской стране, где

лояльность пролетариата и армии зависели от труда свободных сельских производителей, способных в ближайшие год-два сократить запашку и производство продовольствия или даже взяться за оружие. «Нельзя строить социализм, имея бандитские выступления и восстания среди крестьян» (Сталин, 1949: 197), — заявил Генеральный секретарь осенью 1927 года. Бывший номенклатурный работник ЦК А.Г. Авторханов в эмиграции так оценивал положение партии после хлебозаготовительных кризисов: «Сталин помнил, как пало царское самодержавие. “Хлеба, хлеба, хлеба!” — вот с какого лозунга начали Февральскую революцию в Петрограде. Сталин знал лучше, чем Бухарин, что большевистское самодержавие ждет та же судьба, под тем же лозунгом, если самому не произвести революцию сверху в деревне, чтобы предупредить революцию снизу в городе» (Авторханов, 1983а: 377).

В краткосрочной перспективе вероятность социального взрыва в столичных центрах неуклонно возрастала. В 1928–1929 годах органы ОГПУ зарегистрировали на промышленных предприятиях 1576 забастовок, в них участвовали 155 860 человек («Совершенно секретно», 2002: 160, 206, 256, 315, 376, 415, 455, 503, 544, 603, 670; «Совершенно секретно», 2004: 85, 139, 173, 229, 279, 320, 365, 406, 478, 526, 564, 602). С магазинных прилавков исчезали сметана, масло, творог, подсолнечное масло — и хлеб. Зимой 1928/29 года члены Политбюро приступили к введению карточной системы на хлеб, тем более в ряде регионов карточки уже существовали явочным порядком с 1928 года. 14 февраля 1929 года выдача хлеба по карточкам стала всесоюзной. Специальные заборные книжки, по которым отныне отпускался хлеб, получили только городские трудящиеся. В Москве и Ленинграде для рабочих и служащих предприятий устанавливалась норма суточной выдачи печеного хлеба в 900 граммов, для членов их семей, служащих, безработных и прочих категорий трудящихся — 500 граммов. В остальных промышленных районах и рабочих поселках, соответственно, 600 и 300 граммов. Крайней датой введения карточек назначалось 1 марта (Осокина, 2008: 95). Вслед за рационированием хлеба неизбежно наступала очередь мяса, сельди, молока, яиц, масла и других продуктов. Но карточки не спасали.

В последнем квартале 1929 года в снабжении горожан все равно возникали перебои — месячные нормы выдачи хлеба сокращались в Сибири и на Дальнем Востоке. В Москве, Владимире, Костроме, Нижнем Новгороде не хватало рыбы, колбасы, сахара, кондитерских изделий. В столице вместо мяса покупателям предлагалась конина, не пользовавшаяся спросом. В ярославских очередях дрались за галошами. Прямым следствием ухудшения условий труда и быта становились локальные забастовки на фабриках и заводах («Совершенно секретно», 2002: 566–567, 572–573). Сексоты ОГПУ фиксировали резко критические высказывания против расширения колхозной системы, циркулировавшие среди части рабочих на пред-

приятиях Ленинграда, Москвы, Нижнего Новгорода и других городов. Одни сомневались в ее целесообразности и эффективности, другие, особенно строители, утверждали, что в результате нового натиска Коммунистической партии на деревню уровень жизни мастеровых упал не только по сравнению с предреволюционным состоянием царской России, но даже при сопоставлении с эпохой крепостного права («Совершенно секретно», 2002: 569–570).

Наконец, при оценках мотивации руководителей ВКП(б) необходимо учитывать наличие непримиримой эмиграции, представлявшей на рубеже 1920-х — 1930-х годов потенциальную опасность для большевиков. Их политике противопоставлялся белогвардейский «активизм» и подготовка к «весеннему походу», заключавшаяся в сохранении и обучении военных кадров, насчитывавших десятки тысяч чинов в составе полковых объединений, а также сохранившихся частей и отдельных подразделений русской армии, прекратившей существование в 1924 году. Георгиевский кавалер и председатель Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), генерал от инфантерии А.П. Кутепов накануне собственной гибели зимой 1930 года распорядился приступить к разработке оперативного плана по высадке крупного десанта на Кубань с целью возобновления боевых действий с опорой на казачество и крестьянство Юга России (Александров, 2004: 40–41). И при определенных обстоятельствах соединение «офицерской» и «кулацкой» контрреволюции могло состояться.

Следовательно, чтобы номенклатура ВКП(б) смогла удержать власть в СССР в начале 1930-х годов и продолжить в международном масштабе борьбу за коммунизм — постоянную величину в сталинской стратегии — сельские производители должны были лишиться возможностей для сопротивления и стать покорным объектом государственной эксплуатации. Для достижения этой прагматичной цели в кратчайший срок требовалось уничтожить наиболее состоятельную и хозяйственную часть хлеборобов-налогоплательщиков, а основную массу крестьян превратить в прикрепленных к государственной земле сельскохозяйственных рабочих, выполняющих плановые задания при фиктивной или минимальной оплате труда.

В сталинской программе социалистических преобразований деревни экспроприации подлежали не только собственность и орудия производства, но в первую очередь *крестьянский труд*. Поэтому в 1928 году Сталин публично назвал крестьянство «классом, который выделяет из своей среды, порождает и питает капиталистов, кулаков и вообще разного рода эксплуататоров» (Сталин, 1947: 192). При этом добровольно в колхозы не удавалось вовлечь даже всех бедняков, не говоря уже о середняцкой массе: концепция коллективного землепользования не имела популярности на селе. По свидетельству агронома Скворцова, работавшего в конце 1920-х годов в ЦЧО, в подавляющем большинстве хлеборобы коллективизации не хотели (Скворцов, 1955: 37). Осенью 1929 года в СССР насчитывалось более 25,4 млн крестьянских дворов, из которых бо-

лее 24,4 млн вели единоличное хозяйство и лишь чуть более 1 млн (4,1%) были коллективизированы (Прокопович, 1952: 191). Потребовалось невероятное насилие над крестьянством, чтобы в 1930–1933 годах осуществить «революцию сверху», в ходе которой номенклатура боролась за создание благоприятных условий для самосохранения. «Нет, тут уж руки не должны, поджилки не должны дрожать, а у кого задрожат — берегись! Зашибем!» (Сто сорок бесед, 1991: 378) — так объяснял Молотов в 1972 году собеседникам жестокость решений, принимавшихся руководящими органами ВКП(б).

Таким образом, сталинская коллективизация в первую очередь имела политические причины, обусловленные социальными особенностями однопартийного государства. В стране с преобладающим крестьянским населением только колхозная организация сельского хозяйства, несмотря на все ее очевидные издержки и неэффективность принудительного труда, гарантировала партийной номенклатуре удержание власти, сохранение привилегированного положения и захваченной собственности, когда для них сложились очевидные угрозы в 1927–1929 годах. Недаром безымянные авторы «контрреволюционных» листовок расшифровывали аббревиатуру ВКП(б) как «Всероссийское Крепостное Право большевиков» («Совершенно секретно», 2008 а: 701). Кроме того, колхозная система породила постоянное недоедание и дефицит, поставила повседневную жизнь сельского населения под жесткий контроль местного совпартактива, заставила людей бороться за повседневное выживание — и минимизировала риски протестных выступлений, сняв проблему «кулацкой» контрреволюции. Двадцать лет спустя схожие процессы произошли на Западной Украине, когда коллективизация, репрессии и депортации закономерно привели к постепенной ликвидации социальной и хозяйственно-экономической базы подпольных формирований Украинской повстанческой армии (Гогун, 2012: 344–346).

На XVII съезде ВКП(б) 1934 года действительно собрались торжествовавшие «победители»: они навязали деревне колхозы и тем сделали незыблемым положение партийной бюрократии. Революция, которую в 1917 году русский крестьянин в солдатской шинели начал стихийным бунтом против культуры, права и собственности старой России, закончилась для него и его детей новым крепостным состоянием.

Библиография

Авторханов А.Г. (1959). Технология власти. Процесс образования КПСС (мемуарно-исторические очерки). Мюнхен: ЦОПЭ.

Авторханов А.Г. (1983а). Происхождение партократии. Т. 2: ЦК и Сталин. 2-е изд. Франкфурт-на-Майне: Посев.

Авторханов А.Г. (1983б). Мемуары. Франкфурт-на-Майне: Посев.

Александров К.М. (2004). Белая военная эмиграция в Европе 1930–1945 гг. Новые документы, материалы, суждения // Зарубежная Россия 1917–1945. Кн. 3 / Ред. кол. В.Ю. Черняев (гл. ред.), А.Л. Дмитриев, Л.А. Ивнонинская и др. СПб. С. 37–46.

Александров К.М. (2010). «Вторая гражданская»: К истории вооруженной борьбы крестьянства против коллективизации в 1930–1931 годах // Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова / Сб. науч. статей. Под ред. В.В. Попова. Сост. А.Л. Кузьминых. Вологда. С. 113–121.

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. (1993). Население Советского Союза 1922–1991. М.: Наука.

Баранов А.В. (1997). ОГПУ и свертывание нэпа в 1926–1927 гг. (по материалам Северного Кавказа) // Политический сыск в России: история и современность. СПб. С. 190–197.

Билимович А.Д. (2007). Труды / сост. комм. Корицкий Э.Б., Дмитриев А.Л.; вступит. ст. Корицкий Э.Б., Щербаковский Г.З. СПб.: Росток.

Борис Суварин о Сталине (1980) / Интервью М.Я. Геллера // Континент (Париж). № 22. С. 435–444.

Валентинов Н.В. (1991). Наследники Ленина / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: Терра.

Гогун А. (2012). Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. 2-е изд., испр. и доп. М.: ОЛМА Медиа Групп.

Грегори П. (2008). Политическая экономия сталинизма. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина.

ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. (2002) / сост.: А.И. Кокурин и Н.В. Петров; науч. ред. В.Н. Шостаковский. М.: Материк; Междунар. фонд «Демократия», 2002.

Гурина М.В. (2015). Продовольственный ленд-лиз США // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (Тамбов). № 12 (62). Ч. 3. С. 52–59.

Данилов В.П. (2004). Советская деревня в годы «Большого террора». Введение // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: в 5 т. / Главный ред. совет В. П. Данилов и др. Т. 5. Кн. 1. М. С. 7–50.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет (1968). М.: Политиздат.

Джекобсон М., Смирнов М.Б. (1998). Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / сост. М.Б. Смирнов. М.: Звенья. С. 10–24.

Джилас М. (1961). Новый класс. Нью-Йорк.: Прегер.

Первая советская конституция (конституция РСФСР 1918 года): сборник документов (1938) / под ред. А.Я. Вышинского. М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР.

Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С. (2012). Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью: По документам ВЧК–ОГПУ. М.: Прометей.

Жиромская В.Б. (1994). Численность населения России в 1939 г.: поиск истины // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сборник науч. трудов. М.: ИРИ. С. 27–49.

Земсков В.Н. (1994). Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сборник науч. трудов. М.: ИРИ. С. 145–194.

Зензинов В.М. (1944). Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию, 1939–1940. Нью-Йорк.

Ивницкий Н.А. (1996). Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). 2-е изд. М.: Магистр.

Ивницкий Н.А. (2004). Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание.

Измозик В.С. (1995). Глаза и уши режима. Государственный и политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов.

Измозик В.С., Старков Б.А., Павлов Б.А., Рудник С.Н. (2010). Подлинная история РСДРП–РКПб–ВКПб. Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб.: Питер. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. (1945) / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М.

История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собр. док. в 7 т. Т. 1 (2004) / Отв. сост. И.А. Зюзина. М.: РОССПЭН.

Исупов В.А. (1994). Смертность населения в тыловых районах России в 1941–1942 годах // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сборник науч. трудов. М.: ИРИ. С. 95–114.

Кедров Н.Г. (2018). Коллективизация российского крестьянства: генезис проблемы в отечественной постсоветской историографии // Пути России 1917–2017: сто лет перемен: Сборник статей под общ. ред. М.Г. Пугачёвой и В.П. Жаркова. М. — СПб. С. 91–99.

Кедров Н.Г. (2019). Четыре концепции коллективизации В.П. Данилова // Крестьяноведение. Т. 4. № 3. С. 6–42.

Кен О.Н. (2002). Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х — середина 1930-х гг.) СПб.: Европейский университет.

Климин И.И. (2002). Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России. СПб.: НИИХ СПбГУ.

Кованьковский П.Л. (1956). Бюджет СССР (Историко-критический обзор) / Институт по изучению истории и культуры СССР. Исследования и материалы. Серия 1. Вып. 33. Мюнхен.

Козлов В.П. (2011). Общая трагедия народов СССР // Голод в СССР. 1929–1934. Т. 1: 1929 — июль 1932. Кн. 1. / Редкол. В.В. Кондрашин и др. М.: Международный фонд «Демократия». С. 5–9.

Колодежный В.Н. (2002). Эволюция земельной политики советской власти // Собственность на землю в России: История и современность / под общ. ред. Д.Ф. Аяцкова. М.: РОССПЭН. С. 348–399.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд. (1984 а) Т. 3. 1922–1925. М.: Политиздат.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд. (1984 б) Т. 4. 1926–1929. М.: Политиздат.

Конквест Р. (1988). Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом / под ред. М. Хейфеца. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd.

Ленин В.И. (1970). Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. Июнь — декабрь 1919. М.: Политиздат.

Ленин В.И. (1981). Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 41. Май — ноябрь 1920. М.: Политиздат.

Маслов С.С. (2007). Колхозная Россия. М.: Наука.

Мельтюхов М.И. (2002). Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу, 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М.: Вече.

Мерцалов В.С. (1948). Трагедия российского крестьянства (Анализ колхозной системы). Лимбург-на-Лане: Посев.

Михеев В.И. (2008). Из истории деятельности ОГПУ Центрального Черноземья в 1930 г. // Исторические чтения на Лубянке, 1997–2007. М.: Кучково поле. С. 173–188.

Осокина Е.А. (2008). За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. 2-е изд. М.: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина; РОССПЭН.

Плеханов А.М. (2006). ВЧК–ОГПУ в годы новой экономической политики, 1921–1928. М.: Кучково поле.

Прокопович С.Н. (1952). Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова.

Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. (1995) / ред.-сост. А.М. Анфимов, А.П. Корелин (отв. ред.). СПб.: БЛИЦ.

Рылов В.Ю. (2018). Власть и общество в Воронежской области в начале Второй мировой войны (1939–1941). Воронеж.

Семиряга М.И. (2000). Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН.

XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет (1934). М.: Партиздат.

Сидоров С.Г. (2000). Введение // Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. Под ред. М.М. Загорулько. М.: Логос. С. 25–58.

Симонов Н.С. (1996). Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-е — 1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН.

Скворцов И.Ф. (1955). К земельной реформе новой России. Ч. 1–2. Б. м: Изд. автора.

Смирнов М.Б., Сигачёв С.П., Шкапов Д.В. (1998). Система мест заключения в СССР. 1929–1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / сост. М.Б. Смирнов. М.: Звенья. С. 25–74.

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). (2002). Т. 6. 1928 год / Ред. колл. А.Н. Сахаров и др. Сост. Н. Е. Быстрова, Л.П. Колодникова, А.Д. Чернев и др. М. .: ИРИ РАН

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). (2004). Т. 7. 1929 год / Ред. колл. В.С. Христофоров и др. Сост. Ю.Л. Дьяков, Л.П. Колодникова, Т.С. Бушуева, Н.Е. Быстрова и др. М.

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). (2008 а). Т. 8. Ч. 1. 1930 год / Ред. колл. А.Н. Сахаров и др. Сост. Н.Е. Быстрова, В.Н. Земсков, Л.П. Колодникова и др. М.

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). (2008 б). Т. 8. Ч. 2: 1930 год / Ред. колл. А.Н. Сахаров и др. Сост. Н.Е. Быстрова, В.Н. Земсков, Л.П. Колодникова и др. М.: ИРИ РАН

Солонин М.С. (2013). Июнь 41-го. Окончательный диагноз. М.: Эксмо.

Сталин И.В. (1947). Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Госполитиздат.

Сталин И.В. (1949). Собрание сочинений. Т. 10. М.: Гос. изд-во полит. литературы.

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. (1991). М.: Терра.

Сувениров О.Ф. (1998). Трагедия РККА. 1937–1938. М.: Терра.

Супрун М.Н. (1996). Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы Второй мировой войны // Отечественная история. № 3. С. 46–54.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: в 5 т. (2000) / Главный ред. совет В. П. Данилов и др. Т. 2. Ноябрь 1929 — Декабрь 1930 / Ред. коллегия: Н. Ивницкий, В. Виноградов, Л. Виола и др. М.: ИРИ РАН; РОССПЭН..

Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет (1963). М.: Госполитиздат.

Фицпатрик Ш. (2008) Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина.

Френкин М.С. (1978). Русская армия и революция, 1917–1918. Мюнхен: Logos.

Френкин М.С. (1987). Трагедия крестьянских восстаний в России, 1918–1921 гг. Иерусалим: Лексикон.

Хантер Х. (1985). Если бы не коллективизация… Советское сельское хозяйство в годы 1928–1940 / Публ. Б.С. Пушкарёва // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1985. № 136. С. 242–259.

XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. (1930). М.: ОГИЗ.

60 лет колхозной жизни глазами крестьян (1991) / Публ. Е.Н. Разумовской // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М.: Прогресс; Atheneum; Феникс. С. 113–162.

Хлевнюк О.В. (2010). Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН.

Шанин Т. (2019). Неудобный класс: Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925. М.: Дело.

Dallin A. (1957). German Rule in Russia 1941–1945. A Study of Occupation Policies. London — N. Y.

"Look out or you'll be harmed!": On the social-political reasons for Stalin's collectivization

Kirill M. Aleksandrov, PhD (History), Associate Professor, St. Philaret Christian Orthodox Institute. Pokrovka St., 29, Moscow, 105062, Russia. E-mail: history@sfi.ru

The article presents the results of the comprehensive analysis of the negative consequences of socialist transformations in the Soviet village for both society and national economy. The article is based on a wide range of sources and works on the reasons for collectivization in the USSR. The historiographic findings provide grounds for broad discussions that take into account different aspects, approaches and concepts — depending on the assessments of the priorities of I.V. Stalin and other leaders of the CPSU (b) at the turn of the 1920s — 1930s: from the necessary and forced development of the industry at the expense of the rural population exploitation to the establishment of the personal dictatorship of the General Secretary of the Central Committee of the CPSU (b) and eradication of the peasant economic independence. The author suggests to search for an answer to the conceptual question about the meaning and reasonability of collectivization not so much in the economic conditions as in the social realities of the late 1920s as related to the peculiarities of the one-party state and to the sharp deterioration in the political situation under the grain-procurement crises determined by the artificial restrictions on the private initiative in the previous period. The main beneficiaries of the collective-farm system, which was imposed on the village by the unprecedented violence, were thousands of appointees of the CPSU (b), who sought to preserve their power, privileges and state property in their possession by introducing the 'second serfdom' and the all-Union system of forced labor, which put an end to the Russian Revolution of 1917.

Key words: collectivization, collective farms, peasant resistance, I.V. Stalin, V.M. Molotov, appointees, XVII Congress of the CPSU (b), grain procurement crises

References

60 let kolkhoznoy zhizni glazami krestyan [60 years of the collective-farm life through the peasant eyes] (1991). Publ.: E.N. Razumovskaya. *Zveniya*, issue 1, Moscow: Progress; Atheneum; Feniks, pp. 113–162.

Aleksandrov K.M. (2004) Belaya voennaya emigratsiya v Evrope 1930–1945 gg. Novye dokumenty, materialy, suzhdeniya [White military emigration in Europe in 1930–1945. New documents, materials, estimates]. *Zarubezhnaya Rossiya 1917–1945.* Kn. 3. Red. kol. V.Yu. Chernyaev, A.L. Dmitriev, L.A. Ivnoninskaya i dr., Saint Petersburg, pp. 37–46.

Aleksandrov K.M. (2010) "Vtoraya grazhdanskaya": K istorii vooruzhennoy borby krestyanstva protiv kollektivizatsii v 1930–1931 godakh ["Second civil war": On the history of

the peasant armed struggle against collectivization in 1930–1931]. *Istorik i ego vremya. Pamyati professora V.B. Konasova*. Pod red. V.V. Popova. Sost. A.L. Kuzminykh, Vologda, pp. 113–121.

Andreev E.M., Darsky L.E., Kharkova T.L. (1993) *Naselenie Sovetskogo Soyuza v 1922–1991* [Population of the Soviet Union in 1922–1991], Moscow: Nauka.

Avtorkhanov A.G. (1959) *Tekhnologiya vlasti. Protsess obrazovaniya KPSS (memuarno-istoricheskie ocherki)* [Technology of Power. Creation of the CPSU (Memoirs and Historical Essays)], Munich: TSOPE.

Avtorkhanov A.G. (1983a) *Proiskhozhdenie partokratii. T. 2: TsK i Stalin* [Origins of Partocracy. Vol. 2: Central Committee and Stalin]. 2-e izd., Frankfurt am Main: Posev.

Avtorkhanov A.G. (1983b) *Memuary* [Memoirs], Frankfurt am Main: Posev.

Baranov A.V. (1997) OGPU i svertyvanie NEPa v 1926–1927 gg. (po materialam Severnogo Kavkaza) [United State Political Administration of the USSR and the collapse of the NEP in 1926–1927 (based on the data from the North Caucasus]. *Politichesky sysk v Rossii: istoriya i sovremennost,* Saint Petersburg, pp. 190–197.

Bilimovich A.D. (2007) *Trudy* [Works]. Sost. komm. Koritsky E.B., Dmitriev A.L.; vstupit. st. Koritsky E.B., Shcherbakovsky G.Z., Saint Petersburg: Rostok.

Boris Suvarin o Staline [Boris Suvarin about Stalin] (1980) Interviyu M.Ya. Gellera. *Kontinent* (Paris), no 22, pp. 435–444.

Conquest R. (1988) *Zhatva skorbi. Sovetskaya kollektivizatsiya i terror golodom* [The Harvest of Sorrow. Soviet Collectivization and the Terror-Famine]. Pod red. M. Hafetsa, London: Overseas Publications Interchange.

Dallin A. (1957) *German Rule in Russia 1941–1945. A Study of Occupation Policies,* London–New York.

Danilov V.P. (2004) Sovetskaya derevnya v gody "Bolshogo terrora". Vvedenie [Soviet village under the Great Terror. Introduction]. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy*: v 5 t. Gl. red. sovet: V.P. Danilov i dr., vol. 5, book 1, Moscow, pp. 7–50.

Dvenadtsaty s'ezd RKP(b). 17–25 aprelya 1923 goda. Stenograficheskiy otchet [Twelve Congress of the RCP (b). April 17-25, 1923. Verbatim Record] (1968), Moscow: Politizdat.

Dyakov Yu.L., Kolodnikova L.P., Bushuyeva T.S. (2012) *Protestnoe dvizhenie v SSSR (1922–1931 gg.). Monarkhicheskie, natsionalisticheskie i kontrrevolyutsionnye partii i organizatsii v SSSR: ikh deyatelnost i otnosheniya s vlastyu: Po dokumentam VChK–OGPU* [Protest Movement in the USSR (1922–1931). Monarchist, Nationalist and Counter-Revolutionary Parties and Organizations in the USSR: Their Activities and Relations with the Authorities: Based on the Documents of the All-Russian Extraordinary Commission and United State Political Administration], Moscow: Prometey.

Fitzpatrick S. (2008) *Stalinskie krestyane. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's Peasants. Social History of Soviet Russia in the 1930s: Village], Moscow: ROSSPEN; Fond pervogo prezidenta Rossii B.N. Yeltsina.

Frenkin M.S. (1978) *Russkaya armiya i revolyutsiya, 1917–1918* [Russian Army and Revolution, 1917–1918], Munich: Logos.

Frenkin M.S. (1987) *Tragediya krestyanskikh vosstaniy v Rossii, 1918–1921 gg.* [Tragedy of Peasant Uprisings in Russia, 1918–1921], Jerusalem: Leksikon.

Gogun A. (2012) *Mezhdu Gitlerom i Stalinym. Ukrainskie povstantsy* [Between Hitler and Stalin. Ukrainian Rebels]. 2-e izd., ispr. i dop., Moscow: OLMA Media Grupp.

Gregori P. (2008) *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [Political Economy of Stalinism]. 2-e izd., Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yeltsina.

GULAG (Glavnoe upravlenie lagerey). 1918–1960 (2002) [GULAG (Central Administration of Prison Camps). 1918–1960]. Sost.: A.I. Kokurin, N.V. Petrov; nauch. red. V.N. Shostakovsky, Moscow: Materik; Mezhdunarodny fond "Demokratiya".

Gurina M.V. (2015) Prodovolstvenny lend-liz SShA [US food lend-lease]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, no 12, part 3, pp.52–59.

Hunter H. (1985) Esli by ne kollektivizatsiya… Sovetskoe selskoe kho-zyaystvo v gody 1928–1940 [If not for collectivization… Soviet agriculture in 1928–1940]. Publ:. B.S. Pushkarova. *Grani* (Frankfurt-am-Main), no 136, pp. 242–259.

Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bolshevikov). Kratky kurs (1945) [History of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks). A Short Course]. Pod red. komissii TsK VKP(b), Moscow.

Istoriya stalinskogo GULAGA. Konets 1920-kh — pervaya polovina 1950-kh godov (2004) [History of Stalin's GULAG. Late 1920s — first half of the 1950s]: v 7 t. Otv. sost. I.A. Zyuzina, Moscow: ROSSPEN, vol. 1.

Isupov V.A. (1994) Smertnost naseleniya v tylovykh rayonakh Rossii v 1941–1942 godakh [Mortality in the rear regions of Russia in 1941–1942]. *Naselenie Rossii v 1920–1950-e gody: chislennost, poteri, migratsii,* Moscow: IRI, pp. 95–114.

Ivnitsky N.A. (1996) *Kollektivizatsiya i raskulachivaniye (nachalo 30-kh godov)* [Collectivization and Dekulakization (in the Early 1930s)]. 2-e izd., Moscow: Magistr.

Ivnitsky N.A. (2004) *Sudba raskulachennykh v SSSR* [Fate of the Dispossessed Kulaks in the USSR], Moscow: Sobranie.

Izmozik V.S. (1995) *Glaza i ushi rezhima. Gosudarstvenny i politichesky kontrol za naseleniem Sovetskoy Rossii v 1918–1928 godakh* [Eyes and Ears of the Regime. The State and Political Control over the Population of Soviet Russia in 1918–1928], Saint Petersburg: Izd-vo SPbUEF.

Izmozik V.S., Starkov B.A., Pavlov B.A., Rudnik S.N. (2010) *Podlinnaya istoriya RSDRP–RKPb–VKPb. Kratky kurs. Bez umolchaniy i falsifikatsiy* [True History of the RSDWP-RCPb-ACPb. A Short Course. Without Omissions and Falsifications], Saint Petersburg: Piter.

Jacobson M., Smirnov M.B. (1998) Sistema mest zaklyucheniya v RSFSR i SSSR. 1917–1930 [System of penal institutions in the RSFSR and USSR. 1917–1930]. *Sistema ispravitelno-trudovykh lagerey v SSSR, 1923–1960: Spravochnik.* Sost. M.B. Smirnov, Moscow: Zveniya, pp. 10–24.

Jilas M. (1961) *Novy klass* [New Class], New York: Preger.

Kedrov N.G. (2018) Kollektivizatsiya rossiyskogo krestyanstva: genezis problemy v otechestvennoy postsovetskoy istoriografii [Collectivization of the Russian peasantry: Genesis of the issue in the Russian post-Soviet historiography]. *Puti Rossii 1917–2017: sto let peremen*. Pod obshch. red. M.G. Pugachovoy, V.P. Zharkova, Moscow–Saint Petersburg, pp. 91–99.

Kedrov N.G. (2019) Chetyre kontseptsii kollektivizatsii V.P. Danilova [Victor Danilov's four theories of collectivization]. *Russian Peasant Studies,* vol. 4, no 3, pp. 6–42.

Ken O.N. (2002) Mobilizatsionnoe planirovanie i politicheskie resheniya (konets 1920-kh — seredina 1930-kh gg.) [Mobilization planning and political decisions (late 1920s — mid 1930s)], Saint Petersburg: Evropeysky universitet.

Khlevnyuk O.V. (2010) *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoy diktatury* [Master. Stalin and the Establishment of Stalin's Dictatorship], Moscow: ROSSPEN.

Klimin I.I. (2002) *Stolypinskaya agrarnaya reforma i stanovlenie krestyan-sobstvennikov v Rossii* [Stolypin Agrarian Reform and Formation of Peasant Owners Class in Russia], Saint Petersburg: NIIKh SPbGU.

Kovankovsky P.L. (1956) *Byudzhet SSSR (Istoriko-kritichesky obzor)* [Budget of the USSR (historical-critical review)]. *Institut po izucheniyu istorii i kultury SSSR. Issledovaniya i materialy. Seriya 1*, issue 33, Munich.

Kozlov V.P. (2011) Obshchaya tragediya narodov SSSR [The common tragedy of the peoples of the USSR]. *Golod v SSSR. 1929–1934. T. 1: 1929 — iyul 1932.* Kn. 1. Redkol.: V.V. Kondrashin i dr., Moscow: Mezhdunarodny fond "Demokratiya", pp. 5–9.

Kolodezhny V.N. (2002) Evolyutsiya zemelnoy politiki sovetskoy vlasti [Evolution of the Soviet land policy]. *Sobstvennost na zemlyu v Rossii: Istoriya i sovremennost*. Pod obshch. red. D.F. Ayatskova, Moscow: ROSSPEN, pp. 348–399.

Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TSk (1898–1986) [Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1986)] (1984a) 9-e izd., vol. 3: 1922–1925, Moscow: Politizdat.

Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TSk (1898–1986) [Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1986)] (1984b) 9-e izd., vol. 4: 1926–1929, Moscow: Politizdat.

Lenin V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5-e izd., vol 39: iyun — dekabr 1919, Moscow: Politizdat.

Lenin V.I. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5-e izd., vol 41: may — noyabr 1920, Moscow: Politizdat.

Maslov S.S. (2007) *Kolkhoznaya Rossiya* [Collective-Farm Russia], Moscow: Nauka.

Meltyukhov M.I. (2002) *Upushchenny shans Stalina. Sovetsky Soyuz i borba za Evropu, 1939–1941 gg. (Dokumenty, fakty, suzhdeniya)* [Stalin's Missed Chance. Soviet Union and the Struggle for Europe, 1939–1941 (Documents, Facts, Estimates)], Moscow: Veche.

Mertsalov V.S. (1948) *Tragediya rossiyskogo krestyanstva (Analiz kolkhoznoy sistemy)* [Tragedy of the Russian Peasantry (Analysis of the Collective-Farm System)], Limburg an der Lahn: Posev.

Mikheev V.I. (2008) Iz istorii deyatelnosti OGPU Tsentralnogo Chernozemya v 1930 g. [From the history of the activities of the United State Political Administration in the Central Black-Earth Region in 1930]. *Istoricheskie chteniya na Lubyanke, 1997–2007*, Moscow: Kuchkovo pole, pp. 173–188.

Osokina E.A. (2008) *Za fasadom "stalinskogo izobiliya": Raspredelenie i rynok v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii, 1927–1941* [Behind the Facade of Stalin's Abundance: Distribution and the Market in the Supplies of the Population under Industrialization, 1927–1941]. 2-e izd., Moscow: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yeltsina; ROSSPEN.

Pervaya sovetskaya konstitutsiya (konstitutsiya RSFSR 1918 goda): sbornik dokumentov (1938) [First Soviet Constitution (Constitution of the RSFSR of 1918): A Collection of Documents]. Pod red. A.Ya. Vyshinskogo, Moscow: Yuridicheskoe izd-vo NKYu SSSR.

Plekhanov A.M. (2006) *VChK–OGPU v gody novoy ekonomicheskoy politiki, 1921–1928* [All-Russian Extraordinary Commission and United State Political Administration under the New Economic Policy, 1921–1928], Moscow: Kuchkovo pole.

Prokopovich S.N. (1952) *Narodnoe khozyaystvo SSSR* [National Economy of the USSR], vol. 1, New York: Izd-vo im. Chekhova.

Rossiya 1913 god. Statistiko-dokumentalny spravochnik [Russia in 1913. Statistical-Documentary Handbook] (1995) Red.-sost. A.M. Anfimov, A.P. Korelin (otv. red.), Saint Petersburg: BLITS.

Rylov V.Yu. (2018) *Vlast i obshchestvo v Voronezhskoy oblasti v nachale Vtoroy mirovoy voyny (1939–1941)* [Power and Society in the Voronezh Region at the Beginning of the World War II (1939–1941)], Voronezh.

Semiryaga M.I. (2000) *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Collaboration. Nature, Typology and Manifestations in the World War II], Moscow: ROSSPEN.

Shanin T. (2019) *Neudobny klass: Politicheskaya sotsiologiya krestyanstva v razvivayushchemsya obshchestve: Rossiya, 1910–1925* [The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925], Moscow: Delo.

Sidorov S.G. (2000) Vvedenie [Introduction]. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy.* Sost. M.M. Zagorulko, S.G. Sidorov, T.V. Tsarev-skaya. Pod red. M.M. Zagorulko, Moscow: Logos, pp. 25–58.

Simonov N.S. (1996) *Voenno-promyshlenny kompleks SSSR v 1920-e — 1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie* [Military-Industrial Complex of the USSR in the 1920s — 1950s: Economic Growth Rates, Structure, Organization of Production, and Management], Moscow: ROSSPEN.

Skvortsov I.F. (1955) *K zemelnoy reforme novoy Rossii* [On the Land Reform in New Russia], part 1–2, chapter 1–2.

Smirnov M.B., Sigachov S.P., Shkapov D.V. (1998) Sistema mest zaklyuche-niya v SSSR. 1929–1960 [System of penal institutions in the USSR. 1929–1960]. *Sistema ispravitelno-trudovykh lagerey v SSSR, 1923–1960: Spravochnik*. Sost. M.B. Smirnov, Moscow: Zveniya, pp. 25–74.

"Sovershenno sekretno": Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) ["Top secret": Lubyanka's Reports to Stalin on the Situation in the Country (1922-1934)] (2002), vol. 6: 1928 god. Red. koll.: A.N. Sakharov i dr. Sost.: N.E. Bystrova, L.P. Kolodnikova, A.D. Chernev i dr., Moscow: IRI RAN.

"Sovershenno sekretno": Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) ["Top secret": Lubyanka's Reports to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)] (2004), vol. 7: 1929 god. Red. koll.: V.S. Khristoforov i dr. Sost.: Yu.L. Diyakov, L.P. Kolodnikova, T.S. Bushueva, N.E. Bystrova i dr., Moscow: IRI RAN.

"Sovershenno sekretno": Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) ["Top secret": Lubyanka's Reports to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)] (2008a), vol. 8, chapter 1: 1930 god. Red. koll.: A.N. Sakharov i dr. Sost.: N.E. Bystrova, V.N. Zemskov, L.P. Kolodnikova i dr., Moscow: IRI RAN.

"Sovershenno sekretno": Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) ["Top secret": Lubyanka's Reports to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)] (2008 b), vol. 8, chapter 2: 1930 god. Red. koll.: A.N. Sakharov i dr. Sost.: N.E. Bystrova, V.N. Zemskov, L.P. Kolodnikova i dr., Moscow: IRI RAN.

Solonin M.S. (2013) *Iyun 41-go. Okonchatelny diagnoz* [June of 1941. Final Diagnosis], Moscow: Eksmo.

Stalin I.V. (1947) *Voprosy leninizma* [Issues of Leninism]. 11-e izd., Moscow: Gospolitizdat.

Stalin I.V. (1949) *Sobranie sochineniy* [Collected Works], vol. 10, Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury.

Sto sorok besed s Molotovym. Iz dnevnika F. Chueva [One Hundred and Forty Conversations with Molotov. From F. Chuev's Diary] (1991), Moscow: Terra.

Suvenirov O.F. (1998) *Tragediya RKKA. 1937–1938* [Tragedy of the Workers-Peasants' Red Army. 1937–1938], Moscow: Terra.

Suprun M.N. (1996) Prodovolstvennye postavki v SSSR po lend-lizu v gody Vtoroy mirovoy voyny [Food supplies to the USSR under lend-lease in the World War II]. *Otechestvennaya istoriya*, no 3, pp. 46–54.

Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927-1939: Dokumenty i materialy: v 5 t. [Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dekulakization. 1927–1939: Documents and Materials: in 5 vols.] (2000) Gl. red. sovet: V.P. Danilov i dr., vol 2: noyabr 1929 — dekabr 1930. Red. koll.: N. Ivnits-ky, V. Vinogradov, L. Viola i dr., Moscow: IRI RAN; ROSSPEN.

Trinadtsaty s'ezd RKP(b). May 1924 goda. Stenograficheskiy otchet [Thirteenth Congress of the RCP (b). May 1924. Verbatim Record] (1963), Moscow: Gospolitizdat.

Valentinov N.V. (1991) Nasledniki Lenina [Heirs of Lenin]. Red.-sost. Yu.G. Felshtinsky, Moscow: Terra.

XVII s'ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b). 26 yanvarya — 10 fevralya 1934 g. Stenograficheskiy otchet [XVII Congress of the All-Union Communist Party (b). January 26 — February 10, 1934. Verbatim Record] (1934), Moscow: Partizdat.

XVI s'ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b). Stenograficheskiy otchet [XVI Congress of the All-Union Communist Party (b). Verbatim Record] (1930), Moscow: OGIZ.

Zemskov V.N. (1994) Spetsposelentsy (1930–1959 gg.) [Special settlers (1930–1959)]. *Naselenie Rossii v 1920–1950-e gody: chislennost, poteri, migratsii,* Moscow: IRI, pp. 145–194.

Zenzinov V.M. (1944) *Vstrecha s Rossiey. Kak i chem zhivut v Sovetskom Soyuze. Pisma v Krasnuyu armiyu, 1939–1940* [Meeting Russia. What Life People Live in the Soviet Union. Letters to the Red Army, 1939-1940], New York.

Zhiromskaya V.B. (1994) Chislennost naseleniya Rossii v 1939 g.: poisk is-tiny [Population of Russia in 1939: The search for truth]. *Naselenie Rossii v 1920–1950-e gody: chislennost, poteri, migratsii,* Moscow: IRI, pp. 27–49.